

(2016 -1941= 75 лет)

С ТОГО СВЕТА

К 75 – летию депортации советских немцев вспоминается

Люди в трудармии умирали как мухи. Все мы на том свете будем! – безвыходно успокаивали они друг друга. Благодаря особой заботе наверху и враждебному отношению внизу, смертность в ГУЛАГе среди советских немцев была выше, чем на фронте. Концентрационные лагеря смерти находились по всей стране.

Те, кто три дня не сходил с нар и не выходил на работу, считались мёртвыми. Похоронная бригада стаскивала остывшие тела на пол, раздевала их, выносила из барака и складывала в большие грузовые сани для лошади.

Лошадь, увидев свой кошмарный груз, судорожно мотала головой и по её телу лихорадочно пробегала нервная дрожь.

Нагрузив полные с горкой сани, санитарная процессия от пустых бараков двинулась вдоль высокого забора с колючей проволокой к лагерным воротам.

На КПП вооружённая охрана ещё раз пересчитала тела выбывших и навечно вычеркнула их из списка личного состава трудовой колонии. Колонна живых существенно сокращалась, колонна мёртвых заметно увеличивалась в длину. Закончив сортировочный процесс, охрана лагеря открыла ворота и выпустила всех на волю, на тот свет.

Обидно было умирать сейчас, пережив долгую, морозную зиму. День уже начал заметно прибавлять, и солнышко стало чаще появляться на хмуром северном небе. Надежда даже в неволе умирает последней, вслед за телом. У живых трудармейцев, у каждого ещё была своя дорога, у этих в санях, теперь одна – общая.

Доехав до опушки леса, у крутого берега реки, извозчики стали разгружать сани и скидывать голяков в глубокий заснеженный овраг. В небе закружилась воронья стая.

Страшная фотография застыла в голове лошади, она недовольно фыркала и перебирала ногами, а люди делали своё дело, хоронили выбывших. Овраг стал заметно наполняться павшими на трудовом фронте.

– Весной, если доживём, всех закопаем, или в половодье река сама заметёт все следы, – обменивались мнениями полуживые похоронщики. Закончив разгрузку все сели в сани и поехали назад в зону.

Тихо шло время. К вечеру воздух становился особенно густым и упругим, жизненно приятным. Всё замирало! Очаровательно в сумерках смотрится природа. Вдруг в овраге, в куче мертвецов что-то зашевелилось, и через некоторое время голый, тощий человек, протискиваясь сквозь застывшие тела, медленно выкарабкался на поверхность.

– Живой! Главное, живой! – вертелось что-то в его голове. Хорошо, что он оказался в середине кучи, был бы внизу, не вылез бы, не смог, был бы наверху, замёрз бы. И как это жизнь вернулась обратно в почти что мёртвое тело? Не погас, видимо, внутри – её слабый огонёк.

Человек как-то выкарабкался из оврага и неуклюже, голый, пополз по снегу, не имея представления о направлении, куда и зачем? Инстинкт заставлял его двигаться, душевная тревога сквозь мутное сознание снабжала силой, надежда звала вперёд!

Он полз, не чувствуя голода, холода, времени и боли. Обессилев, просто тыкался лицом в белую перину снега, отдышал и полз дальше. Сколько полз, три часа или трое суток, вспомнить это он никогда не мог.

Видно есть Бог на свете! В небе вспыхнула луна, впереди свет в окошке.

До этого окошка он полз ещё две вечности, кое-как добрался до лесной избушки. Из самых последних сил, раз пять старался подняться вдоль стены и всё же постукался слабенько в окошко. Хозяйка в доме страшно испугалась, увидав в окне прилунном свете голого человека на снегу. Страшно,

худого, с черепом вместо лица, глаза ввалились, щёк не было, кожа, натянутая на скелет. Женщина накинула на себя фуфайку, сунула ноги в валенки и выскочила на улицу. Она тоже была высланная, сердобольная, трудолюбивая, русская женщина, дочь врага народа, и ей в жизни уже многое при-

гонкой, делала компрессы, достала из запасника засушенные травы. Много бессонных ночей провела она у его подушки.

Выжившему трудармейцу комендант пообещал тюрьму. – За злостное дезертирство! За побег! Ишь, что выдумал? Всех обманул! Ведь

живала дорогого сына, что вскоре превратила его в завидного жениха.

Heinrich Самуилович Schmidt взял себе в жены **Фриду Jort**. У них сразу родился сын Виктор, следом дочка, потом ещё сын. Они прожили долгую, трудолюбивую жизнь. Как Маресьева, его прославлять не стали. Наоборот! Чтоб оборвать прошлое, сразу после свадьбы, они сменили место жительства и поселились в Северном Казахстане, в Кокчетавской области, в Рузаевском районе, в селе Чернобаевке. Это как раз посередине, между Кокчетавом и Кустанаем.

Летом он работал механизатором на тракторе «Беларусь», а зимой у него от холода страшно опухали и болели пальцы, поэтому начальство на зиму устраивало его в тепло, на ферму или в кочегарку.

Его жена тоже образцово трудилась на разных работах, в полеводстве и на молочной ферме.

В девяностых годах он со своей семьёй, вместе со всеми советскими немцами переехал из Казахстана в Германию. Поселились они под Бонном, и дожил он до 93 лет, намного пережив свою жену.

Всем, кто знал этого человека и знает эту историю, просьба откликнуться и рассказать в деталях неизвестные подробности. История эта написана со слов свидетеля, Владимира Робертовича Мельникова, 1937 года рождения, живущего в Германии, в городе 26427 Esens, односельчанина, коллеги и лучшего друга героя моего рассказа «С того света». Когда нас любят и ждут – мы возвращаемся даже с того света! Это должны знать все на свете!

Райнгольд Шульц

Германия, Гисен

para-schulz@gmx.de

20.06.2016 – 22.06.2016

шло повидать.

Она волоком затащила исхудавшее тело в дом, положила на широкую лавку, затем схватила тазик, занесла в избу снег и начала растирать пришельца.

На него больно было смотреть, растирать было уже нечего, кожа да кости. Сплошные обморожения снаружи, простуда изнутри насквозь, предсмертная дистрофия, плюс весь букет трудармейских болезней.

Пришелец лежал на лавке и почти ни на что не реагировал. Женщина подбросила в русскую печку дров, и стало, как в Ташкенте жарко. Она налила полстакана тёплого молока и влила его в рот гостю. Растерев тело докрасна, она одела его в тёплое нижнее бельё своего погибшего на фронте мужа. Затем кое-как затащила пришельца на тёплую лежанку большой русской печки и накрыла тулупом.

Она всю ночь давала ему молоко по маленькому глоточку, натирала тело само-

тебя даже никто не искал! Ты же был на том свете! – комендант возмущался яростно и с фантазией выдумывал свои сказки...

Но ангел хранитель, золотая русская женщина, как защитник и свидетель умоляла и клялась, что всё это чистая правда! Комендант обязан был верить чуду и своим глазам.

К тому же очень уж существенные были вещественные доказательства, которые предоставили ему посетители. Две бутылки самогонна, целая свиная ляжка, куча яиц, и дивно пахнущий свежее испеченный хлеб развеяли сомнения, как надо поступить. Всё равно всё уже в прошлом, зоны той давно нет, перебросили и про побег этот никто не знает.

Родная мать не могла нарадоваться и много раз рассказывала, как она плакала, ждала и молилась за него. Она с такой любовью выха-